

ПЛАН ПОВЕСТИ О СТРЕЛЕЦКОМ СЫНЕ И РОМАНЫ В. СКОТТА

Перед нами набросок Пушкина, состоящий из шести строк и написанный им в 1834—1835 гг. Приводим полностью этот текст по большому академическому изданию, для удобства чтения раскрывая издательские конъектуры и давая в скобках разночтения пушкинской рукописи по тому же изданию:

«Сын казненного стрельца воспитан вдовою вместе с ее сыном и дочерью: он идет в службу вместо ее сына. При Пруте ему Петр поручает свое письмо —

Приказчик (сосед?) вдовы доносит на своего молодого барина, который лишен имени своего и отдан в солдаты. Стрелецкий сын посещает его семейство (посещает ее, офицер) и у Петра выпрашивает прощение молодому барину»¹.

«План повести о стрелецком сыне» сравнительно мало изучался пушкиноведением. Причиной тому не только крайняя его лаконичность, но и отсутствие развернутого исторического комментария. Недавно появившаяся фундаментальная работа В. С. Листова, основанная на изучении прежде всего «Деяний Петра Великого» И. И. Голикова, заполняет этот пробел².

Пользуясь материалами, привлекаемыми Листовым и его обширным комментарием, мы можем попытаться рассмотреть замысел Пушкина в связи с поэтикой романов Вальтера Скотта и осуществить, хотя и весьма условную реконструкцию этого замысла.

Отец главного героя служил в стрелецком войске и, как обычно стрельцы, был, видимо, человеком простого происхождения (Листов, 104). Четыре заметки, предшествующие нашему плану (Ак. 8, с. 430—431) указывают, что стрелец происходил из раскольников («сын старого раскольника»), т. е., в какой-то мере, подтверж-

дают его незнатное происхождение. При этом трудно согласиться с Б. В. Томашевским и поддержавшим его Листовым, что набросок «Сын казненного стрельца..» «возможно.. не имеет отношения к замыслу, с которым связаны первые четыре плана»³. Эти планы, может быть, и бывшие первоначально замыслом самостоятельного произведения, становятся в связи с последним наброском как бы предысторией задуманного романа. Так же как в предысторию этого романа и в детали его сюжета входит оставленный задолго до того «Арап Петра Великого»⁴.

Стрелец (отец героя нашего плана) влюбился в дочь боярина Ржевского, прикинул к заговору и во время стрелецкого бунта спас Ржевского, который обещал выдать за него дочь. Далее идут разные варианты плана, из которых можно понять, что свадьба не состоялась («выдает за него дочь (другую)», «мать торопится и выдает ее за боярина», «мать торопится и выдает ее за думного дворянина» — Ак. 8, с 430). Молодая боярышня, видимо, была выдана за другого. Стрелец, участник заговора, был казнен, вероятно, в кровавой вакханалии, которую устроил Петр I после подавления бунта, когда были казнены тысячи стрельцов.

С очень большой долей вероятности можно предположить, что «вдова» нашего плана и есть дочь Ржевского. Она взяла к себе в дом и воспитала сына человека, который спас ее отца и любил ее самое. Поступок этот требовал от вдовы немалого мужества. Как показывает Листов в своем исследовании, ссылаясь на Голикова, укрывательство родственников казненных было чревато для лиц, дававших убежище, серьезными неприятностями. К 1700 г. относится указ Петра I «О высылке из Москвы остаточных стрельцов и о недержании их никому». По этому указу запрещалось давать пристанище не только стрельцам, но и их женам и детям (Лис. 106).

Эта сюжетная линия, как справедливо заметил Д. П. Якубович, была разработана Пушкиным еще в «Арапе Петра Великого», где героиню зовут Наталья Ржевская, так же, как и в планах, предшествующих «Сыну казненного стрельца», а мальчик взят в дом потому, что «отец его во время бунта спас жизнь» отца Натальи, боярина Ржевского⁵. Не забудем, что «Арап»

к этому времени уже окончательно оставлен Пушкиным и заготовки для него, в том числе сюжетные, вполне могли быть использованы в другом романе.

В «Арапе» трагическую завязку сюжета должна была определить любовь Натальи к сироте, сыну стрельца. Видимо, по замыслу Пушкина, стрелецкий сын и дочь вдовы должны были полюбить друг друга (как Наташа и Валериан в «Арапе»).

Затем следует неожиданный и острый поворот сюжета. Приемный идет в службу вместо законного сына. Труд Листова позволяет нам прокомментировать эти события. В 1706 году Петр I приказал призвать дворянских детей в военную службу. Указ этот выписан в пушкинской истории Петра дважды (Ак., т. 9, 98, 109), причем в первый раз со специальной отметкой NB⁶: «...недорослей из дворян *укрывающихся* (курсив мой, — М. А.) записывать в службу».

Возможно, уже выписывая этот указ и отмечая его знаком NB, Пушкин думал о будущем историческом романе. (Ср. Листов, с. 106). Таким «укрывающимся» был молодой сын вдовы. Вероятно, речь идет не о трусости молодого человека, а о сознательном нежелании служить царю-преобразователю, нарушителю традиций и устоявшихся норм жизни.

Попробуем теперь реконструировать завязку неосуществленной повести, помня, что это всего лишь неопределенные предположения, но не забывая и знаменитой пушкинской формулы: «Следовать за мыслями великого человека есть наука самая занимательная». Если справедливо наше предположение, что Стрелецкий сын и дочь вдовы полюбили друг друга, то несомненно, что любовь неродовитого приемного сына да еще и сына государственного преступника должна была привести в ужас вдову-боярыню. И тут же на нее обрушивалось новое горе: сына насильственно забирали в службу. В этой ситуации молодой герой проявляет большое душевное благородство, разрубая гордые узел. Жертвуя собой, своим счастьем и счастьем любимой девушки, он не только успокаивал приемную мать, но и спасал ее от разлуки с родным сыном, обреченным идти в подневольную службу.

Вместе с тем и сам сын стрельца и пригревшее его семейство тем самым вступают в еще больший конф-

ликт с законом, вернее с самим государем, издающим антигуманные, строгие и несправедливые законы, с точки зрения которых боярское семейство становится врагом государства. Они воспитали в своем доме врага-сироту и уклоняются от обязательной службы. Сам же Стрелецкий сын не только незаконно остался в Москве, но теперь переменяет имя, изменяет свой социальный статус (из человека простого звания становится боярином-дворянином), тем самым превращается в самозванца (Ср. Листов, 106—107).

Следующая фраза: «При Пруте ему Петр поручает...» переносит нас сразу в 1711 год, к неудачному походу Петра I против турок. Из этой фразы следует, что молодой человек лично известен Петру. Как это могло получиться? Заполняя пятилетнюю лакуну в биографии сына стрельца, Листов предполагает, что молодой герой принял участие в Полтавской битве (1709), в преследовании после этой битвы разбитых наголову Карла XII и Мазелы (в пушкинской «Истории Петра» подробно и много раз в деталях упоминается о преследовании разгромленных шведов вплоть до реки Прут, где спустя два года Петр капитулировал перед турками. (См.: Ак. IX, стр. 136, 138—140).

В этих исполненных трудов, опасностей и приключений событиях, видимо, и проявил себя Стрелецкий сын, здесь он, должно быть, и получил офицерский чин и стал лично известен Петру. Он, естественно, принимает участие и в дальнейших боевых действиях, вместе с войском Петра попадает в западню на Пруте, когда царь вынужден был признать свое поражение и согласиться на все условия неприятеля.

Фраза: «При Пруте ему Петр поручает свое письмо...» — показывает, что, по замыслу Пушкина Стрелецкий сын становится одним из ближайших и доверенных лиц Петра I. Именно ему получает Петр отвезти сенаторам письмо-завещание, в котором во имя интересов государства отказывается (или готов отказаться) от власти. В этом письме царь проявляет удивительную силу воли, ясность мысли и хладнокровие: «Уведомляю вас, что я со всею армиею без всякой вины или неосмотрительности с нашей стороны, единственно по полученным ложным известиям, окружен со всех сторон турецким войском, которое вчетверо наших сильнее, и ли-

шен всех способов к получению провианта, так что без особой Божией помощи ничего иного предвидеть не могу, как что со всеми нашими людьми погибну либо взят буду в плен. В последнем случае не почитайте меня царем и государем своим и не исполняйте никаких приказаний, какие тогда, может быть, от меня были бы к вам присланы, хотя бы они и собственной моею рукой были писаны, пока сам я не возвращусь к вам. Если же я погибну и вы получите верное извещение о моей смерти, то изберите достойнейшего из вас моим преемником» (Цит. по Листов, с. 107).

Письмо Петра апокрифично, и Пушкин прекрасно это знал и первый сформулировал: «Штелин уверяет, что славное письмо в Сенат хранится в кабинете его величества при императорском дворце. Но к сожалению анекдот, кажется, выдуман и чуть ли не им самим. По крайней мере письмо не отыскано» (Ак., IX, стр. 271)⁷.

Однако волнующий документ, отвергнутый историком (Пушкин и пишет «к сожалению»), очевидно, должен был найти место в романтическом повествовании, придавая облику Петра дополнительные благородные и самоотверженные черты. Как в «Капитанской дочке» сражающийся Пугачев приобрел черты благородного разбойника, так и в романе о стрелцком сыне Петр выступал не царем, чьи указы «писаны кнутом», а внимательным, добрым и великодушным государем. Стрелецкий сын становился его верным конфидендом, выполняющим сложное, ответственное и опасное поручение: пробраться сквозь неприятельские войска и доставить в столицу документ первостепенной важности.

Анекдот, рассказанный Штелином, содержит некоторые подробности об офицере-посланце, которые Пушкин собирался использовать в своем романе. Так, здесь говорится о большом доверии, которое Петр питал к этому офицеру: «At last, when he thought all was irrecoverably lost, he entered his tent, sat down with great tranquillity, wrote and sealed a letter, and sent for the officer in whom he placed the greatest confidence (*italic is mine, -M.A.*). — «Will you undertake, — said he, — to pass through the enemy's camp, and carry a letter to Petersburg?» — The officer, who was well acquainted with the country, answered in the affirmative, and assured His Majesty that his letter should be delivered. Peter, relying on the word

of this servant, gave him the letter, addressed to the senate, kissed his forehead, and added these words: «Go, then, and God be your guard».

In nine days the officer reached the capital, and delivered his letter to the assembled senate»⁸. Можно не сомневаться, что успех молодого человека привлёк к нему ещё более благосклонное внимание государя.

Второй абзац пушкинского плана охватывает заключительные главы задуманного произведения. «Приказчик вдовы доносит на своего молодого барина...» Эта строка должна быть соотнесена с записью Пушкина в «Истории Петра», под 1711 годом, в которой конспектируется указ самодержца: «Объявить: кто сыщёт скрывающегося от службы, или о таком возвестит, тому отдать все деревни того, кто ухоронивался» (Ак. IX, 255, ср. Листов, 108). После этой записи Пушкин ставит двойное *nota bene*⁹. Эта отметка показывает важность записи для автора. Может быть, она уже тогда предназначалась для использования в будущем романе.

К этой же теме относится и другая запись под 1713 годом: «Прибывшие из Москвы сенаторы донесли Петру, что вопреки указу 1711 года многие дворяне от службы укрываются. Тогда Петр издал тиранский свой указ (от 26 сентября), по которому доносителю, из какого звания он бы не был, отдавались поместья укрывающегося дворянина». (Ак. IX, 326, Листов, 109). Эти записи об указе, который сам Пушкин называет «тиранским», служат ключом к объяснению ситуации, в которую попадает сын вдовы и все его семейство. Разъяснение 1713 года позволяло ввести в действие романа и простолюдина («из какого звания он бы не был»), и Пушкин колеблется между двумя доносчиками: приказчиком, т. е. человеком простого звания, из холопов или дворовых, или соседом, т. е. дворянином, человеком того же круга, что вдова и ее сын, «молодой барин». Поэтому слово «сосед» появляется в плане позднее (надписано сверху) и сопровождается вопросительным знаком.

Передача имени холопу обостряла и без того трагические обстоятельства, в которые попадало благодетельствовавшее Стрелецкого сына семейство. С другой стороны, завладевший имением доносчик, может быть, был и претендентом на руку сестры молодого ба-

рина (например, обещал не доносить, не забирать имения в случае согласия молодой девушки на брак). Таким образом он становился соперником Стрелецкого сына, выступая в той роли, которая была отведена Швабрину в чуть более позднем историческом романе. На такую роль более подходил сосед, негодяй-дворянин, а не холоп-приказчик. Тогда становятся понятны колебания Пушкина и вопросительный знак возле слова «сосед».

Как бы то ни было, положение людей, которые благодетельствовали стрелецкого сына, становилось критическим. Нищие, находящиеся во власти бывшего раба или жестокого аморального соседа (доносчик), они лишались и единственной опоры в брате и сыне, насильственно отданном в солдаты.

Д. Якубович расширявает последнюю запись пушкинского плана следующим образом: «Стрелецкий сын посещает (ее) его семейство офицером и у Петра выпрашивает прощение молодому барину», — и затем интерпретирует ее: «Приемыш, уже ставший офицером, по просьбе любимой девушки, обращается к Петру, и тот, помня старую услугу, в награду прощает молодого барина»¹⁰. К сказанному следует только добавить, что стрелецкий сын, естественно, получает прощение и за свой, вызванный благими и благородными намерениями, обман: присвоение чужого имени.

Думается, что этой счастливой развязкой и должен был закончиться роман. Листов, однако, предполагает, что роман мог завершиться трагически, т. к. вмешавшийся в дело Петр мог бы захотеть женить Стрелецкого сына на другой и мог бы тем самым погубить его счастье и разрушить его любовь, как это могло бы произойти в «Арапе», где навязанная Петром женитьба должна была разрушить счастье Ибрагима (Листов, стр. 115—118).

Такое предположение ни на чем не основано. Во-первых, Ибрагим никого не любит (графиня Д. взяла себе нового любовника и забыта им), он сам, добровольно, женится на Наташе, которая ему нравится и которая (о чем он не знает), к несчастью, любит другого. Во-вторых, скорее, в уме Пушкина должна была возникнуть ориентация не на старый, а на новый, уже задуманный роман (первые планы «Капитанской дочки»

относятся к 1832 году). Там Маша Миронова выпрашивала прощение жениху у императрицы Екатерины II, здесь жених спасал семью невесты, испрашивая прощение у императора Петра I. Получалось как бы зеркальное отражение:

Маша — Екатерина II — жених
Стрелецкий сын — Петр I — невеста

Наконец, и это, может быть, самое главное, тема прощения виновного, и именно царем, и именно Петром I, сильно занимала Пушкина как раз в это время (он сам был помилован — прощен царем, надеялся на прощение декабристов). В 1835 году, почти тогда же, когда набрасывались планы «Стрелецкого сына», написано стихотворение «Пир Петра Первого»:

...он с подданным мирится,
Виноватому вину,
Отпуская, веселится,
Кружку пенит с ним одну...
И прощенье торжествует,
Как победу над врагом. (111, 351)

Стихотворение оценивалось современниками, как просьба о прощении декабристов¹¹.

Естественно предположить, что такой финал и рисовался воображению Пушкина как счастливое завершение, *happy end*, исторического романа, сюжет которого был исполнен острых приключений и трагических происшествий.

Восстановив по возможности содержание задуманного произведения, можно попытаться наметить некоторые точки сближения этого замысла с романами Вальтера Скотта. Разумеется, обладая лишь несколькими строчками чернового плана мы почти не можем говорить о сходстве мотивов и о сюжетных параллелях. Речь в основном пойдет о поэтике скоттовского романа и принципах его построения.

.. Замысел пушкинского романа возникает на основе

глубокого и тщательного изучения исторических материалов. Если «Арап Петра Великого» вырос на семейных преданиях и, создавая его, Пушкин опирался лишь на семейный архив да на талантливые очерки Корниловича, то замысел романа о стрелцком сыне набирается автором, давно и плодотворно изучающим эпоху. Памятником этого труда остаются сотни страниц пушкинских конспектов и размышлений¹². Ход работы здесь примерно такой же, как и в случае с «Капитанской дочкой»: когда художественные замыслы и исторические изучения идут почти параллельно и исторический труд предшествует появлению художественного текста.

Подобное отношение к истории как к тщательно изучаемому фону, становящемуся фундаментом исторического романа, характерно для художественной манеры Скотта, впервые в истории литературы соединившего в единое целое историю и художественный вымысел. Подчеркнутое декларирование правдивости и даже научности художественного текста становится важнейшим признаком художественной манеры Скотта. Он сообщает о своих научных разысканиях в обширных предисловиях и пространных примечаниях. И дело здесь не только в декларациях. Все романы Скотта проникнуты (часто обманчивым) ощущением подлинности, исторического правдоподобия, о чем предшественники Скотта нисколько не заботились. Осуществление романтического принципа *solog local* приводит Скотта к созданию широких исторических полотен, которые воспринимаются современниками как подлинные картины жизни далекого прошлого (эффект, видимо, похожий на *fact based stories* современной литературы). Достоверности нисколько не мешает введение в текст анахронизмов, недостоверных фактов и даже прямого вымысла. Часто Скотт нарочно обращает внимание читателя на эти неточности в подстрочных примечаниях и предисловиях, тем самым создавая иллюзию полной истинности всего остального.

«Стрелецкий сын», при всей его схематичности, явно обнаруживает основные принципы вальтерскоттовой поэтики. Все наброски планов «Повести о стрелцком сыне» показывают безукоризненное владение историческим материалом и превосходное знание эпохи:

раскольники, стрелецкий заговор, бунт, Софья и ее отношения с Петром, указы Петра, его войны и т. д. и т. п. Пушкинский роман должен был воплотить бурную петровскую эпоху с не меньшей яркостью, чем кровавый мятеж Пугачева отразился в «Капитанской дочке». При этом Пушкин, как и Скотт, нисколько не боялся вводить в роман заведомо вымышленные и не соответствующие действительности факты. Таково апокрифическое письмо Петра с берегов Прута, которое должно было сыграть важнейшую роль в сюжете романа. Кто знает, может быть, Пушкин, на манер Скотта, снабдил бы его скептическим примечанием историка.

Неоднократно отмечалось, что герой Скотта, честный и благородный молодой человек, обычно оказывается между двумя станами врагов и яростных политических противников. В силу своих политических убеждений, личных качеств, свойственной европейцу толерантности, Скотт никогда не делает своего героя фанатиком, слепым приверженцем какой-либо политической доктрины. Его герой отличается гуманностью, терпимостью, он может менять свои политические взгляды, но всегда остается человеком честным, благородным, добрым и порядочным.

Таков, например, Айвенго («Ivenhoe»). Саксонец по происхождению и воспитанию, он принадлежит к покоренному народу, однако становится близким другом короля завоевателей, Ричарда Львиное сердце, принимает образ жизни и обычаи норманов, но никогда не поступается гордостью, чувством собственного достоинства, остается преданным и почтительным сыном отца, разъяренного его «изменой».

Маркем Эверард («Woodstock or the Cavalier») переходит, по своим внутренним убеждениям, на сторону революции и становится приближенным Кромвеля, что не мешает ему спасать своего друга-роялиста, любить дочь другого роялиста, смеяться над фанатизмом своих единомышленников и пр.

Особенно справедливо сказанное в отношении знаменитого романа Скотта «Old Mortality» (в русских переводах, с французского «Шотландские пуритане» или «Пуритане»). Герой этого романа Генри Мортон бесконечно далек от фанатизма, узкой религиозной нетерпимости своих соотечественников-шотландцев, он не

хочет принимать участие в бунтах и восстаниях. Но жестокости и несправедливость англичан заставляют его искренне присоединиться к восставшим. Однако и вовлеченный в борьбу, он стремится избежать ненужных насилий и жестокости, найти разумный компромисс. Примеры подобной позиции протагониста в романах Вальтера Скотта можно приводить до бесконечности. Но уже сказанное позволяет нам обратиться к замыслу Пушкина.

Стрелецкий сын, как Мортон в «Пуританах», по своему происхождению принадлежит к фанатикам-староверам. Религиозная принадлежность его отца сильно занимала Пушкина, и он дважды подчеркнул это в планах («сын старого раскольника», «сватает через мамушку-раскольницу». — Ак., 8, 430). К раскольникам, вероятно, принадлежит и семья, принявшая Сына стрельца: и сваха была раскольница, и принять в семью легче единоверца. Среди стрельцов вообще, как известно, было много раскольников. Хотя, по словам исследователя, версия о создании и бытовании легенды о Петре-антихристе главным образом в старообрядческой среде «не подтверждается»¹³, тем не менее ясно, что именно среди раскольников она получила широкое распространение и всячески ими поддерживалась. См., например, старообрядческое «Сказание о царе Петре истинном и царе Петре ложном»¹⁴ или «Челобитную об антихристе еже есть Петр I»¹⁵. Таким образом, мы можем думать, что стрелецкий сын воспитывался в атмосфере религиозного фанатизма, нетерпимости и, естественно, в ненависти к еретическим западным новшествам петровского царствования. Для староверов Петр был царем-антихристом, немцем, которым басурманы подменили во время заграничного путешествия настоящего царя. Этот антихрист и казнил, вернувшись в Россию, отца героя.

Стрелецкий сын, таким образом, становится похожим на героя «Пуритан» — Генри Мортон. Отец этого молодого человека, полковник Мортон, сражался на стороне пуритан. Сам Генри чужд всякого фанатизма, однако волею обстоятельств и семейных традиций оказывается в лагере нонконформистов, далеко не разделяя присущей им узости взглядов, сектанства и нетерпимости.

Можно думать, что и Сын стрельца отличался более широкими взглядами, чем его окружение. Может быть, он, как и Мортон, тяготился узостью и ограниченностью окружающей его обстановки и, как герой Скотта, порывался оставить постылый дом, где его удерживала только любимая девушка.

Вместе с тем жизненные обстоятельства Сына стрельца гораздо более острые, напряженные и политически более определенные, чем у Мортона, который не имеет причин кого-либо ненавидеть. Сын стрельца не может быть врагом царя-преобразователя: ведь Петр I не только резко изменил и изуродовал жизнь русских людей, но и казнил его отца. Жизнь в доме вдовы должна была закрепить и усилить ненависть к новшествам, введенным в России Петром.

Снова нарушается закон и снова подымается волна страха и ненависти к царю, когда, обманывая власть, стрелецкий сын принимает чужое имя, оставляя трепещущих благодетелей в доме, который вскоре им предстоит потерять.

Однако уже в следующей фразе: «...ему Петр поручает свое письмо» — мы видим молодого человека доверенным лицом царя. Вряд ли это искусная маска, личина, притворство. Герой задуманного Пушкиным романа явно благородный, честный и пылкий молодой человек, похожий на молодых героев Вальтера Скотта и представляющий некоторую параллель Петру Гриневу, над образом которого уже задумывается (или работает) в это время Пушкин.

Стрелецкий сын, познакомившись с Петром, видимо, попал под обаяние его могучей личности, проникся величественными идеями гениального преобразователя, и восхищение Петром сменило прежнюю ненависть и мстительные чувства. Молодой человек начинает служить верой и правдой, как верноподданный, законному государю. При этом он ни в малейшей степени не утрачивает ни чувства благодарности к приемной матери, ни привязанности и любви к памяти отца. Он оказывается в положении Гринева, который остается верным слугою царствующей императрицы, верным своему долгу офицером и в то же время испытывает горячее сочувствие и даже сердечную привязанность к жестокому самозванцу.

Таким образом, Сын стрельца оказывается вполне вальтёрскоттовским героем, способным к восприятию «правды» обеих сторон. Он и верный помощник царя, и преданный друг своего будущего шурина, и заступник своей приемной матери, связанной памятью и сердечными привязанностями с врагами царя, и, наконец, сын, чей отец казнен его нынешним покровителем.

Композиционно, насколько мы можем судить, Сын стрельца оказывается в том же положении, что и герои некоторых романов Скотта. Как Айвенго или Квентин Дорвард он близок царю. Как Людовик XI — Квентину, Петр дает Сыну стрельца поручение, похожее на поручение Квентина: пробраться через занятую противником (неприятелем) враждебную территорию.

В. С. Листов, наиболее тщательно проанализировавший план Пушкина, отметил непосредственное, читательское ощущение сходства этого плана с романами Скотта: „Молодые люди (Сын стрельца и молодой барин, — М. А.) как бы меняются жребиями... Такого рода переодевания (в духе Вальтера Скотта) нередки в творчестве Пушкина в 1830-е годы. Вспомним «Барышню-крестьянку», «Анджело», «Дубровского», «Капитанскую дочку»» (Листов, стр. 106).

Действительно, хотя самозванцы в романах Скотта не встречаются (это типично русское явление), но перемена судьбы, подмена одного персонажа другим встречается, хотя и не очень часто, в романах английского писателя. Такова, например, подмена одного брата другим во время свадебной церемонии («Сен-Ронанские воды»), отмечавшаяся исследователями в связи с пушкинской «Метелью». В знаменитом «Роб Рое» положительный, похожий на Гринева и, вероятно, на Сына стрельца Осбалдистон меняется, впрочем, не по своей воле, своим общественным положением со злодеем Рэшли. Король Иаков («Приключения Найджела») появляется в облике приветливого дядюшки на пиру у простого горожанина, а Людовик XI предстает Квентину Дорварду («Квентин Дорвард») при первой встрече зажиточным купцом. Все это могло подтолкнуть воображение Пушкина к мотиву «подмены», который становится ключевым моментом занимательного и напряженного сюжета.

Тема приемыша, неродного ребенка, вырастающего

в чужой семье, тоже не чужда романам Вальтера Скотта. Таков, например, Ричард Мидделмас («Sergeant Daughter», 1827) или Эннот Лайл в романе «A Legend of Montrose». В этой же связи Д. Якубович называет только два романа: «Монастырь» и «Аббат»¹⁶. В первом тема приемыша никак не развивается (в сравнительно бедной семье Гленденингов живет принадлежащая к знатному роду Мери Эвенел, на которой в конце романа женится старший из двух братьев Гленденинг).

Зато второй роман «Аббат» (русский перевод — 1825) действительно содержит ряд любопытных параллелей к пушкинскому наброску. Герой этого романа Роланд Грейм становится приемышем (пажом) хозяйки в богатом замке Гленденингов. Он по рождению принадлежит к католицизму и тайно исповедует эту религию, тогда как его хозяева и большинство шотландцев — протестанты. Вспомним, что и пушкинский Сын стрельца по происхождению связан с расколом (его отец — «сын старого раскольника»). Роланд колеблется в своей преданности католицизму и в конце романа принимает протестантство. По всей вероятности, и стрелецкий сын, связанный с идеологией раскола не только происхождением, но и воспитанием в доме боярыни Ржевской, потом, становясь соподвижником Петра, должен был отойти от раскола.

Рональд Грейм, как это обычно происходит с молодыми героями Скотта, оказывается между двух огней. Его хозяин сэр Гленденинг поддерживает существующее правительство и регента. Грейм послан к заточенной в замке Марии Стюарт в качестве пажа. После некоторых колебаний, связанных с его религиозными сомнениями, он решительно принимает сторону прекрасной королевы и помогает ее побегу.

Сын стрельца против своих убеждений начинает служить Петру. Центральный эпизод пушкинского плана — Прутская западня, почти плен. Сын стрельца совершает подвиг, помогая Петру в этих трудных обстоятельствах.

Наконец, есть еще одна ситуация в этом романе Скотта, на которую стоит обратить внимание. Брат девушки, в которую влюблен Роланд, решительно отвергает всякую мысль о браке своей сестры с неизвестным

проходимцем. Не возникала ли подобная же ситуация в пушкинском романе? Брат, «молодой барин», противился чувству молодых людей. Тогда великодушие и самопожертвование Сына стрельца придавало характеру этого молодого человека дополнительную глубину и значительность.

Следует также отметить, что финал задуманного романа тоже ведет нас к Вальтеру Скотту. Мы уже отмечали несомненную связь этого финала с финалом «Капитанской дочки» (встреча Маши Мироновой с Екатериной II), который, как это уже давно и прочно установлено, восходит к соответствующим главам романа «The Heart of Mid-Lothian» (в русском переводе «Эдинбургская темница»): храбрая Эффи Динс запрашивает помилование для своей сестры у королевы Каролины.

Финал повести о сыне стрельца, очевидно, напоминает финал «Капитанской дочки»: сын стрельца запрашивает у царя помилование семье своей невесты. Видимо, развязки обоих романов как-то соединялись в творческом сознании Пушкина, и это вело к ассоциации с «Эдинбургской темницей» не только «Капитанской дочки», но и Повести о Сыне стрельца.

Таким образом, сюжет повести о Сыне Стрельца строился, как обычно у В. Скотта, вокруг любви молодого человека и прекрасной девушки. Преодоление препятствий, мешающих этой любви, завершает сюжет обычным для Вальтера Скотта happy end.

Наконец, в задуманной Пушкиным повести, несмотря на невероятную лаконичность плана, мы легко можем проследить использование знаменитого приема Вальтера Скотта для изображения реальной исторической личности. Такой исторический герой (Ричард, Львиное сердце, Кромвель, Людовик XI и мн. др.) всегда отодвигается Скоттом на периферию исторического повествования, в центре которого действует молодой влюбленный герой. Реальная историческая личность, не высвеченная пристальным вниманием автора, приобретает тем самым в глубине романного текста дополнительную рельефность. Если в «Арапе Петра Великого» Петр грозил местами заполнить все пространство литературного повествования, то в задуманном романе Пушкин, видимо, собирался изобразить великого преобразователя России совсем по-вальтерскоттовски.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 17 т. — М.; Л.: Изд. АН СССР. — 1948. — Т. 8. — С. 431. В дальнейшем ссылки на это издание в тексте: Ак. и указание на том и страницу.

² Листов В. С. «Сын казненного стрельца» — неосуществленный замысел Пушкина // Пушкин. Исследования и материалы. — Л.: Наука, 1989. — Т. XIII. — С. 103—121. В дальнейшем ссылки на эту работу в тексте.

³ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10 т. Изд. второе. — М., 1957. — Т. 6. — С. 805. Листов, ук. соч., с. 103, 104.

⁴ О связях «Арапа» с «Повестью о стрельце» см.: Лапкина А. К истории создания «Арапа Петра Великого» // Пушкин. Исследования и материалы. — М.; Л., 1958. — Т. II. — С. 293—309.

⁵ См.: Якубович Д. П. «Арап Петра Великого» // Пушкин. Исследования и материалы. — Л., 1979. — Т. IX. — С. 289—290.

⁶ Отметка NB воспроизведена только в малом десятичном издании Пушкина, цитировавшемся в примечании 3. См.: т. 9, стр. 161.

⁷ Современная историография считает текст письма Петра I в анекдотах Штелина подделкой. См.: Листов, стр. 107—108. Там же основная литература вопроса.

⁸ Original anecdotes of Peter the Great, Collected from the Conversation of several persons of distinction at Peterburg and Moscow by Mr. Staehlin. — London, 1788. PP. 66—67. Reprint: New York, 1970.

⁹ Эта помета Пушкина воспроизведена только в малом академическом десятичном издании, т. 9, стр. 255.

¹⁰ Якубович Д. П. Арап Петра Великого // Пушкин. Исследования и материалы. — Л., 1979. — Т. IX. — С. 290.

¹¹ См.: Гиллельсон М. И. Отзыв современника о «Пире Петра Первого» Пушкина // Временник Пушкинской комиссии, 1962. — М.; Л., 1963. — С. 49—51.

¹² См.: Фейнберг Илья. Незавершенные работы Пушкина. — М., 1964. — С. 3—242.

¹³ Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды XVII—XIX вв. — М., 1967. — С. 99.

¹⁴ Там же. — С. 108—109.

¹⁵ Шапов А. П. Сочинения. — СПб., 1906. — Т. 1. — С. 567—569.

¹⁶ Якубович. Ук. соч. — С. 290.

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
ПСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО
ПУШКИНОВЕДЕНИЯ
Сборник статей

Псков 1994